

УДК 330.82

*В.В. Матвеев***ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДУГЛАСА НОРТА:
ОБОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РОЛИ ЗНАНИЙ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Рассмотрены основные положения теории институциональных изменений Дугласа Норта, которая обосновывает определяющую роль знаний в процессе институциональных изменений. Данное положение не утратило своей актуальности, более того, именно знания обеспечивают эффективное развитие национальной экономики и своевременность осуществления институциональных изменений. Хорошо известно, что любые прогрессивные изменения, связанные с новыми знаниями и новыми технологиями, не всегда сразу получают положительную оценку. Известный факт, что и люди, и общество опасаются изменений по той причине, что эти изменения не могут быть выгодными для всех экономических агентов. Всегда есть экономические агенты, которые выигрывают от изменений, но есть и те, чье экономическое положение в значительной степени ухудшается. Это совершенно естественно: любое институциональное изменение формирует новые правила игры. Здесь как у экономических агентов, так и у государства может возникнуть соблазн не допустить этих изменений, сохранить статус-кво. Однако данный вариант выбора – это попытка спасти институты, которые уже тормозят общественный прогресс. По этой причине само государство, которое выступает от имени всего общества, никоим образом не должно допустить победы консервативной точки зрения на прогресс. В противном случае это государство обречено на всё большее и большее стратегическое отставание от стран-лидеров.

Ключевые слова: институты, система, развитие, знания, технологии, общество, собственность, политические изменения.

Базовая схема институциональных изменений была предложена Д. Нортом в его широко известной в настоящее время работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». Впервые эта работа была опубликована в 1990 г., русский перевод вышел достаточно быстро – уже в 1997 г. [1]. Принципиальная новизна данной работы заключается в том, что в ней изложен и обоснован алгоритм институциональных изменений. В дальнейшем теория институциональных изменений получила развитие в более поздних работах Д. Норта [2; 3].

По мнению Д. Норта, алгоритм институциональных изменений имеет следующий вид:

1. Базовое условие развития цивилизации – это непрерывный процесс поиска новых знаний. Итогом этого является появление новых технологий с их последующим использованием в производстве материальных ценностей. Следует помнить, что наибольшие конкурентные преимущества получают те экономические агенты и государства, которые не только получили доступ к этим знаниям, но, самое главное, сформировали условия для быстрого их практического использования.

2. Применение новых технологий приводит к значительным, в некоторых случаях к принципиальным изменениям в организации производства, что находит своё отражение в изменении величины спроса на ресурсы. Эти изменения приводят к удорожанию (удешевлению) ресурсов относительно друг друга.

3. Изменения в уровне цен на ресурсы неизбежно приводят к появлению новых правил. Это естественно, так как ценность ресурсов изменяется. Экономические агенты стремятся использовать новые правила для получения максимальной отдачи от использования ресурсов. Параллельно ценность других ресурсов, наоборот, снижается. В конечном итоге это приводит к изменениям в правах собственности на ресурсы.

4. Изменения в правах собственности запускают процесс институциональных изменений, которые, в свою очередь, могут привести к политическим изменениям в стране.

Даже беглое ознакомление с этим алгоритмом позволяет сделать вывод о том, что новые знания рано или поздно запускают процесс политических изменений в обществе. Данный процесс носит достаточно противоречивый характер, который может приобретать формы весьма жёсткого и даже жестокого противостояния между заинтересованными сторонами. Это объясняется тем, что любые институциональные изменения выгодны для одних экономических агентов и однозначно невыгодны для других.

Ситуация осложняется тем, что процессы институциональных изменений затрагивают не только экономические интересы, но и идеологические убеждения как отдельных людей, так и больших социальных групп.

Хорошо известно, что экономические агенты и/или группы людей принимают решения и осуществляют целенаправленные действия в первую очередь для увеличения своего дохода и максимизации богатства (хотя могут иметь место иные цели), исходя из тех возможностей, которые напрямую зависят от институциональной структуры общества. Несоответствие целей и возможностей провоцирует начало процесса институциональных изменений. При этом Д. Норт сразу же указывает на стратегическую роль имеющихся знаний и навыков, с которыми экономические агенты приступают к достижению своих целей. Отмечается, что процесс достижения целей обуславливает необходимость постоянного увеличения запаса знаний [1.С. 98].

Действительно, всякий человек, приступая к решению любой проблемы, должен обладать определённым объёмом знаний и навыков, который в процессе достижения поставленной цели должен изменяться в сторону увеличения. В этом суть социально-экономического прогресса, что, в свою очередь, вызывает процесс институциональных изменений.

В одном из своих интервью декан экономического факультета МГУ А.А. Аузан процитировал министра нефти Саудовской Аравии Ахмеда Ямани: «Каменный век закончился не потому, что в мире кончились камни. Также и нефтяной век закончится не потому, что у нас кончится нефть» [4]. Суть этой фразы, которая была сказана в 1973 г., то есть более 40 лет тому назад, сводится к тому, что технологические изменения играют значительную, в некоторых случаях стратегическую роль в развитии цивилизации. Кстати, необходимо отметить интересный факт. За эти годы цивилизация вступила в эру цифровых технологий. При этом в самой Саудовской Аравии организация экономических и общественных отношений практически никак не изменилась. Эта страна живёт в системе институтов, которые сформировались много веков назад.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию технологического прорыва, которая возникла в процессе перехода от каменных орудий к металлическим. Если рассматривать причины, которые обусловили данный переход, то здесь наглядно находит своё подтверждение положение о роли знаний как стратегического условия технологического прогресса. Е.Н. Черных (член-корреспондент РАН, специалист по истории развития древней металлургии) утверждает, что необходимо вести речь о новой парадигме развития металлургии. По его мнению, это безусловный полицентризм в становлении и развитии металлургических древних культур; взрывоподобный и зачастую «рваный», скачкообразный ритм распространения новых технологий; при котором соблюдение принципа «от простого к сложному» происходило далеко не всегда. Нередко проявляли себя и регресс, и даже провалы в «восхождении к высотам мастерства» [5].

В любом случае открытие металлов и рождение металлургии – это результат целенаправленной деятельности человека, результатом которой была систематизация существующих и формирование новых знаний. Эти знания накапливались и передавались из поколения в поколение. Некоторые рудники существовали в течение многих лет. Можно вести речь о периоде в несколько сотен лет. Естественно, что это также способствовало формированию системы знаний о поиске и выплавке металлов.

Авторы монографии «Металлургия железа в истории цивилизации» отмечают, что многие важнейшие революционные события в развитии цивилизации хронологически совпадают, а часто и определяются освоением новых металлургических технологий, новых металлов и сплавов. Например, появление колесных повозок непосредственно следует за освоением производства первых мышьяковых бронз [6]. Именно колёсные повозки во многом в принципиально лучшую сторону изменили жизнь человека.

Самое главное – металл позволил изготавливать прочные и более удобные орудия труда.

Например, благодаря тому, что медь – это пластичный металл, при помощи использования технологии холоднойковки можно было получить достаточно тонкие и острые изделия. Это было значительным технологическим прорывом. В результате иглы, рыболовные крючки, ножи, изготовленные из меди, оказались более совершенными, чем сделанные из камня и кости.

Однако принципиальный технологический прорыв – это открытие процессов плавки меди и получение при помощи литья новых, неизвестных ранее орудий: сложный втульчатый топор, мотыга, ножницы, клещи, молотки, пилы. Орудия из меди имели намного более высокие, по сравнению с каменными, эксплуатационные характеристики.

Люди достаточно быстро научились повышать твёрдость лезвий металлических орудий, используя технологию преднамеренной проковки. В результате литейную медь с исходной твердостью 30 – 40 единиц по шкале Бринеля можно было довести до твердости 110 единиц. Эти цифры близки к показателям твердости сыродутного железа. Поэтому медь очень быстро с исторической точки зрения получила самое широкое распространение. Эти цифры приобретут особую значимость, если вспомнить, что твердость железа составляет всего 70 – 80 единиц. Уже в наше время был проведен сравнительный анализ эффективности использования каменных и медных орудий. Выяснилось, что медный топор оказался эффективнее каменного в 3 раза; производительность медного ножа превзошла каменный в 6 - 7 раз [7].

Бронзовый век – следующий этап в развитии человеческой цивилизации, его начало относят к концу четвертого тысячелетия до н. э. Это историко-культурный период развития человеческой цивилизации, для которого характерно распространение в наиболее технологически развитых территориях металлургии бронзы и её превращение в главный материал для производства орудий труда и оружия. На менее развитых территориях продолжают использовать орудия из меди и камня.

С экономической точки зрения – это период завершения первобытных родовых отношений. Происходит переход от коллективной формы ведения хозяйства к семейному его варианту. В общине достаточно быстро идут процессы расслоения на бедных и богатых. Все эти процессы идут параллельно с развитием металлургии. Металлические орудия труда, оружие и предметы потребления получают всё большее распространение. Начинают формироваться и развиваться процессы обмена товарами между территориями, появляются профессиональные торговцы. Всё это вместе взятое способствует росту производительности труда и его специализации.

Именно поэтому территории, где имеет место высокий уровень развития бронзовой металлургии, экономически и культурно развиваются значительно быстрее по сравнению с теми территориями, где не наступила эпоха бронзы. Экономическая дифференциация населения на бедных и богатых провоцирует появление ростовщичества. Закономерным итогом этого процесса стало то, что люди становятся не только богатым или бедным, появляются экономически зависимые группы населения, которые по своему правовому статусу начинают отличаться от тех людей, кто сохранил за собой экономически независимый статус. Бездолжные должники приобретают новый правовой статус: они обязаны пожизненно работать на своих кредиторов. Следующий этап развития данных отношений – появление рабства.

Все эти изменения в обществе приводили к появлению новых отношений: по поводу собственности, организации производства и присвоения его результатов, признания результатов обмена, защиты заимодавцев. Для поддержания этих отношений на должном уровне разрозненные родовые сообщества начинают объединяться и вводить первые элементы государственности, появляются первые законы.

В настоящее время различают четыре основных этапа развития древнейшей металлургии. Первый этап характеризуется использованием самородной меди, к которой поначалу относились как к разновидности камня. Единственным методом ее обработки была холоднаяковка, вслед за которой последовало освоениековки горячей.

Второй этап начинается с открытия технологии плавки самородной меди и появления литейных форм. На первом и втором этапах известны лишь единичные мелкие украшения и редкие колюще-режущие орудия.

Третий этап определяется двумя важнейшими открытиями: выплавкой меди из руд (начало действительно металлургии) и освоениемковки (эффект наклепа). Параллельно идет процесс усложнения литейной техники, появляется технология литейных форм. Именно здесь происходит переход от меди к бронзам. Распространяется литейная форма. На этом этапе получают распространение большие по количеству серии медных изделий. Появляются технологии производства топоров и других орудий рубящего и ударного действия (тёсла, долота, мотыги, молотки). Появляется колюще-режущее оружие (кинжалы, наконечники копий).

На четвертом этапе ассортимент металлических орудий и оружия ещё более расширяется. Впервые появляются мечи и наконечники стрел. Совершенствуются формы копий, кинжалов, боевых топоров [8].

Рассмотренный здесь пример развития древней металлургии подтверждает положение теории Д. Норта о зависимости между получением новых знаний с экономическими и политическими изменениями в обществе.

Д. Норт различает передаваемые (это знания, которые можно передавать от одного лица к другому в ПОЛНОМ объёме) и неявные (эти знания приобретаются в процессе практической деятельности и могут только ЧАСТИЧНО передаваться от одного лица к другому) знания [1. С. 98].

Степень усвоения передаваемых знаний может быть достаточно высокой, для некоторых людей – абсолютной. Намного более сложной является ситуация с передачей неявных знаний. В различных ситуациях в силу собственных индивидуальных способностей степень усвоения этих знаний у экономических агентов может быть очень дифференцированной. Д. Норт пишет по этому поводу следующее: «Нельзя научиться играть в теннис только по книгам, и даже приобретая практический опыт, игроки сильно отличаются друг от друга» [1. С. 98].

Это означает, что для каждого человека характерны собственные, очень индивидуальные способности к усвоению неявных знаний. Именно этим определяются когнитивные способности человека:

- идентифицировать объекты и процессы в окружающем его мире;
- уметь сопоставлять эти объекты и процессы между собой, видеть сходства и различия;
- сравнивать объекты (совокупности объектов) и процессы с точки зрения их предпочтительности и их ценности;
- определять цели, исходя из уровня их предпочтительности в настоящем и будущем;
- находить причинно-следственные связи между решениями, действиями и полученными результатами;
- на основании проведённого анализа осуществлять выбор между целями;
- прогнозировать возможные варианты развития ситуации в будущем, различать краткосрочные и долгосрочные цели.

Здесь очень интересно вспомнить фразу, которую в течение долгого времени приписывали В.И. Ленину: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством», другая версия – «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». На самом деле в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В.И. Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернокожий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (курсив мой. – В. М.) [9. С. 315].

Здесь В.И. Ленин пытается обосновать истинность абсолютно идеалистической идеи, выдвинутой партией большевиков, согласно которой кухарка как представитель малообразованных или вообще необразованных трудящихся должна не только учиться управлять государством, она должна быть вовлечена в государственное управление. Идея абсолютно утопическая, но популярная в течение достаточно длительного периода.

Уже после смерти В.И. Ленина Л.Д. Троцкий в статье «Сигнал тревоги» в марте 1933 г. пишет: «Важнейшую задачу диктатуры Ленин видел в демократизации управления: "каждая кухарка должна научиться управлять государством". Происходит обратный процесс: число управляющих не расширилось до "каждой кухарки", а сузилось до одного единственного повара, да и то специалиста по острым блюдам. Политический режим стал невыносим для масс, как и имя его носителя становится для них все более ненавистно» [10]. Здесь фраза «каждая кухарка должна научиться управлять государством» уже приписывается В.И. Ленину как исторически реальный факт и руководство к действию.

Наибольшие проблемы возникают при формировании предпринимательских и управленческих навыков. Это можно объяснить тем, что здесь следует вести речь не только об усвоении знаний, но и о необходимости наличия у человека конкретных способностей, которые невозможно сформировать только в процессе обучения. Тем не менее, как отмечает Д. Норт, «спрос на знания и навыки создаёт спрос на увеличение объёма и изменение распределения знаний, отражающий текущее восприятие людьми выгод от приобретения различных видов знания» [1. С. 99].

Получение новых знаний далеко не во всех случаях воспринимается как очевидная выгода. Это объясняется тем, что новые знания, как правило, вступают в более-менее жёсткое противоречие с существующей системой институциональных правил. Именно по этой причине спрос на новые знания, что в перспективе приводит к инвестициям в инновационные проекты, в современных развитых

странах принципиально иной, чем в Западной Европе в период «тёмного» средневековья (VI – X вв.) или в подавляющем большинстве современных мусульманских стран.

Раннее, или «тёмное», средневековье, которое пришло на смену античности, сопровождалось технологическими потерями, что привело к упрощению орудий труда и ухудшению качества изделий. Имел место процесс отката к более примитивным формам организации общества и производства, возвращаются варварские, по сравнению с Римской империей, времена. В результате на каждой территории, которые были жёстко разъединены между собой, и отрасли развитие технологий происходило крайне медленно и сугубо эмпирическим путём, то есть по варианту проб и ошибок. Ремесленники в условиях натурального хозяйства производили только штучные изделия строго под заказ.

Какие-то успехи в технологиях, которые возникали на одной территории, доходили до других территорий, но с большим запозданием. Вполне реальной была ситуация, когда эти достижения вообще не выходили за пределы региона, поэтому технологические новшества могли многократно появляться на разных территориях и снова исчезать. Кроме того, большую роль играл фактор случайности, например, вторжение варваров или викингов, что вынуждало начинать всё сначала.

Например, на смену разнообразным формам античной гончарной керамики пришел очаговый или печной толстостенный лепной горшок. Вместо прежних крупных металлургических и металлообрабатывающих центров в Южной, Центральной и Западной Европе теперь встречались лишь одиночные кузнечные горны [11].

Необходимо отметить, что стимулы к развитию фундаментальной науки (у Д. Норта – получение чистого знания) определяются не только экономическими стимулами. Очень многое зависит от идеологической терпимости общества. Можно вспомнить трагическую ситуацию, связанную с развитием генетики в Советском Союзе, когда, исходя из абсолютно неверных заблуждений, генетика была объявлена «лженаукой». Идеологические установки оказались намного сильнее научных доказательств. Самое интересное здесь то, что идеалистические представления о наследственности, которые проповедовал Т.Д. Лысенко, оказались сильнее материалистических доказательств, хотя формально идеологией партии большевиков был именно материализм.

По мнению Д. Норта, «важным фактором развития Западной Европы явилось постепенное осознание практической пользы от чистой науки» [1. С. 99]. Действительно, чистое знание – это стратегическое условие развития прикладных знаний. Это находит своё подтверждение в том, что технологическое развитие – это всегда результат появления новых знаний, которые базируются на достигнутом ранее уровне развития технологий. Именно эта зависимость во многом определяет общий тренд развития технологий, когда могут отвергаться идеи, которые не сулят быстрого получения экономического эффекта. В результате технологии могут развиваться по строго определённой траектории, которая не всегда приводит к получению наилучших результатов. Однако в любом случае развитие технологий приводит к формированию новых институтов.

Данное положение теории Д. Норта получила очень интересное развитие в теории Path Dependency, появление которой связано с американским экономистом-историком П. Дэвидом [12]. В отечественной экономической литературе название теории Path Dependency трактуется как зависимость от предшествующего развития. Здесь особое внимание уделяется тому, что социально-экономическое развитие общества в значительной степени определяется не зависимостью между знаниями и технологическими изменениями, а зависимостью от предшествующего развития, где стратегическая роль отводится процессам инерционности.

Д. Норт рассматривает технологические инновации как решающий фактор институциональных изменений. Теория Path Dependency исходит из противоположного посыла: почему институциональные инновации возможны далеко не во всех случаях, хотя очевидность этих изменений не вызывает сомнений. Отсюда – необходимость изучения неформальных механизмов выбора.

В 1985 г. П. Дэвид публикует статью, в которой рассматривает достаточно необычную, но на первый взгляд малозначимую проблему – расположение клавиш на печатающих устройствах (сначала – пишущая машинка, потом – компьютер). Он отмечает, что QWERTY-клавиатура печатающих устройств является неэффективной и замедляет процесс набора текста. В настоящее время это считается каноническим примером долгосрочного исторического выбора в пользу менее эффективного варианта над более эффективным.

Под термином «QWERTY-эффект» понимаются все варианты сравнительно неэффективных, но устойчивых в долгосрочном историческом периоде приоритетов выбора, что подтверждает верность утверждения: история имеет значение.

Конечно, следует признать, что теория Path Dependence уточняет отдельные положения теории Д. Норта, но не отменяет её главного утверждения: зависимости между знаниями, технологиями, институтами и политическими изменениями в стране.

Формирование новых знаний и их распространение в современных условиях является стратегическим фактором формирования человеческого капитала. Уже не вызывает сомнений и споров положение о том, что этот вид капитала является функцией образования (школа, вуз) и обучения (профессиональная деятельность, переподготовка). Образование и обучение, в свою очередь, в значительной степени определяются институциональными характеристиками общества, то есть образование в данном случае напрямую зависит от господствующей в данной стране (обществе) системы институтов.

Здесь в качестве примера можно снова вспомнить о раннем (тёмном) средневековье, когда курс обучения в университетах сводился к схоластическим спорам, которые базировались на антинаучном по своей сути принципе: истина уже давным-давно известна, она изложена в Священном Писании. Задача учёных – не открывать что-то новое, а изучать и комментировать положения этой истины. В этих условиях появление свободной и самостоятельной идеи было практически невозможно. Учёный, который высказывал такую идею, рисковал очень многим.

Это позволяет сделать вывод, что вопрос об отношении знаний и идеологии до сих пор вызывает весьма жёсткие дискуссии. Хотя появление новых знаний изменяет представление людей об окружающем их мире, что порождает чисто научный и практический интерес к новым научным исследованиям. Таким образом, в каких-то ситуациях идеология может выступать в качестве тормоза как научного, так и общественного развития. Д. Норт отмечает: «Интеллектуальная жизнь в Европе в средние века направлялась церковью, и даже сегодня идеологии во многих частях света нетерпимы, в той или иной мере, к развитию чистого знания» [1. С. 101].

На практике это означает, что развитие человеческого капитала – это очень сложный и противоречивый процесс. Вполне возможны ситуации, когда процессы формирования и качественный уровень развития человеческого капитала начинают отставать от развития вещественных элементов капитала. Такое общество однозначно будет испытывать значительные трудности в обеспечении собственного эффективного социально-экономического развития. Хорошо известная в настоящее время истина утверждает: между развитием знания и восприятием людьми окружающего мира имеет место прямая и очевидная зависимость. Именно запас знаний определяет то, каким образом люди понимают, объясняют и оправдывают или, наоборот, отвергают систему, в которой они вынуждены жить и работать.

На издержки заключения договоров влияет то, как люди воспринимают окружающую их действительность. Если степень доверия к социальной системе – высокая, то это свидетельствует о наличии развитой институциональной системы. Люди чувствуют себя комфортно в такой системе, уровень издержек при заключении сделок достаточно низкий и не вызывает негативной реакции. Если институциональная система воспринимается людьми негативно, то высокий уровень издержек может спровоцировать сначала мысли, а потом и действия, направленные на изменение такой системы. Крайняя форма таких изменений – революция.

Люди, проживающие в данном обществе при существующей системе институциональных правил, с одной стороны, заинтересованы в стабильности этой системы. С другой стороны, государство, выступающее от имени общества и его граждан, и представители элиты должны внимательно отслеживать развитие социально-экономической и политической ситуации с целью недопущения крайних форм протеста. Таким образом, следует признать, что, во-первых, именно институциональная система определяет направления формирования и приобретения знаний в обществе; во-вторых, эти направления выступают в качестве стратегического фактора, определяющего долгосрочные перспективы развития общества и его граждан.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что теория институциональных изменений Дугласа Норта продолжает быть современной и совсем не утратила своей актуальности для обеспечения эффективного развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
2. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Эдельмана; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. М.: Изд. дом гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 256 с.

3. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
4. URL: <http://www.up-pro.ru/library/opinion/kamennyj-vek.html>
5. Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36-53.
6. Черноусов П.И., Мапельман В.М., Голубев О.В. Metallurgy of iron in the history of civilization. М.: МИСиС, 2005. 423 с.
7. Рындина Н.В. Человек у истоков металлургических знаний // Путешествия в древность. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 205-246.
8. Археология: учебник / под ред. академика РАН В.Л. Янина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 608 с.
9. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч., 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1981. Т. 34. С. 289-339.
10. Троцкий Л.Д. Сигнал тревоги // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm342.htm>
11. История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с. URL: <http://coollib.com/b/336453/read>.
12. David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, № 2. URL: <http://econ.ucsb.edu/~tedb/Courses/Ec100C/DavidQwerty.pdf>.

Поступила в редакцию 21.09.17

V.V. Matveev

**DOUGLAS NORTH'S THEORY OF INSTITUTIONAL CHANGES:
THE RATIONALE FOR THE STRATEGIC ROLE OF KNOWLEDGE
IN PROVIDING EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY**

The article considers the main provisions of Douglas North's theory of institutional changes, which substantiates the determining role of knowledge in the process of institutional changes. This provision has not lost its relevance. Moreover, it is knowledge that ensures the effective development of the national economy and the timeliness of the implementation of institutional changes. It is well known that any progressive changes related to new knowledge and new technologies are not always immediately appreciated. It is a well-known fact that both people and society as a whole are afraid of changes for the reason that these changes cannot be beneficial for all economic agents. There are always economic agents that benefit from changes. But there are those whose economic situation is significantly deteriorating. It is quite natural: any institutional change forms new rules of the game. Here, both economic agents and the state may be tempted to prevent these changes, maintain the existing status quo. However, this option is an attempt to save institutions that are already hampering social progress. For this reason, the state itself, which acts on behalf of the whole society, in no way should allow the victory of the conservative view on progress. Otherwise, this state is doomed to a more and more strategic backwardness from the leading countries.

Keywords: institutions, system, development, knowledge, technology, society, property, political changes.

Матвеев Владимир Валентинович,
доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: mtv956@yandex.ru

Matveev V.V.,
Doctor of Economics, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mtv956@yandex.ru